

И. Г. ДОБРОДОМОВ
И. А. ПИЛЬЩИКОВ

**ЛЕКСИКА
И ФРАЗЕОЛОГИЯ
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

Герменевтические очерки

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Всевышней волею Зевеса</i> («Евгеній Онѣгинъ», 1, II, 3)	11
<i>Какъ Да п д у</i> Лондонскій, одѣтъ (1, IV, 7)	19
<i>Ученый малый, но педантъ</i> (1, V, 7)	28
<i>Потолковать объ Ювеналѣ</i> (1, VI, 5)	43
« <i>Поди! поди!</i> » раздался крикъ (1, XVI, 2)	50
<i>Rost-beef</i> и <i>beef-steaks</i> (1, XVI, 9; 1, XXXVII, 8)	64
<i>Винегретъ</i> / <i>vinaigrette</i> (1, XVI, 10, варианты)	72
<i>Армида. Цирцея. Филлида</i> (1, XXXIII, 10; 3, II, 9 и др.)	84
<i>Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ</i> (2, III, 4)	91
<i>Его цѣвницы первый стонъ</i> (2, XXII, 4)	100
<i>Текутъ элегии рѣкой</i> (4, XXXI, 7)	118
<i>Ямщикъ сидитъ на облучкѣ</i> (5, II, 7)	125
<i>Виргилій & al.</i> (5, XXII, 8 сл.)	133
<i>Una gente a cui l' morir non dole</i> (гл. 6, эпитафия)	142
<i>Озарена лучемъ Діаны</i> (6, II, 12)	150
<i>Эпикурейцы-мудрецы</i> (7, IV, 2)	156
<i>Форрейторъ бородатый</i> (7, XXXII, 6)	160

У ночи много звѣздъ прелестныхъ («Евгеній Онѣгинъ», 7, ЛII, 1)

Немолчный шопотъ Нереиды (8, IV, 12)

Соблазнительная честь (8, XLIV, 14)

Корсаръ въ отставкѣ, Морали («Путешествіе Онѣгина»)

Библиография

Указатели

Указатель слов, форм и выражений

Указатель произведений и писем Пушкина

Указатель имен

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XX веке отечественная история, казалось, ускорила свой ход. За относительно небольшой период времени дважды кардинально изменился жизненный уклад. По мере того, как увеличивается временная и культурная дистанция, всё менее отчетливыми становятся для нас очертания дворянской России XIX столетия. Поэтому, читая произведения русской классической литературы, мы оказываемся в положении иноземцев, не вполне знакомых с языком и бытом чужой страны: «сплошь и рядом пропадает для сегодняшнего читателя намек на факт, когда-то известный, ныне совершенно забытый, на обычай, вышедший из употребления, на бытовую деталь, вытесненную развитием техники и изменением социальных отношений. Нам не вполне ясны обиход крепостного периода, городская жизнь в иных условиях и вся сложная система обычаев, связанных с иными материальными условиями жизни, передвижения, труда, досуга и т. п.» [Томашевский 1959: 29—30].

Другая причина недоумения и разного рода недоразумений — кажущаяся понятность языка позапрошлого столетия. Эту проблему четко сформулировал А. Б. Пеньковский: «(...) общепринятое определение хронологических границ современного русского литературного языка по формуле „от Пушкина до наших дней“ (...) на самом деле глубоко ошибочно. В действительности тот язык, на котором думал, говорил, писал и творил Пушкин, — это язык, во многом близкий к современному, очень на него похожий, но в то же время глубоко от него отличный» [Пеньковский 2005: 6; ср. 2003а: 580—582]. Мы не всегда понимаем Пуш-

Предисловие

кина, в том числе потому, что плохо знаем его язык: «Здесь имеет место явление, близкое тому, что принято называть „ложными друзьями переводчика“ (...) но только действующее в сознании читателей, уверенных, что они читают текст на своем языке, тогда как на самом деле они переводят его с другого (пусть близкого, но другого!) — если не языка, то состояния языка, и переводят, как выясняется, с более или менее серьезными ошибками» [Пеньковский 2005: 9].

Зачастую мы не только не постигаем особенностей пушкинского словоупотребления, но и не знаем самих норм, с которыми поэт не мог не считаться. Более того, нам иногда неизвестно даже буквальное значение слов, давно знакомых нам из книг. Как писал Ю. М. Лотман, «самая легкость стиха, привычность содержания, знакомого с детства читателю и подчеркнута простого, парадоксально создают добавочные трудности в понимании пушкинского романа в стихах. Иллюзорное представление о „понятности“ произведения скрывает от сознания современного читателя огромное число непонятных ему слов, выражений, фразеологизмов, имен, намеков, цитат. Задумываться над стихом, который знаешь с детства, представляется ничем не оправданным педантизмом. Однако стоит преодолеть этот наивный оптимизм неискушенного читателя, чтобы сделалось очевидно, как далеки мы даже от простого текстуального понимания романа» [Лотман 1975: 5; ср. Черных 1956: 173—176]. Между тем разузнать, что означают те или иные редкие слова и выражения, не так-то просто. В комментариях к художественным произведениям постоянно встречаются лакуны и неточности: литературоведы не всегда учитывают результаты изысканий историков и лингвистов, а многие проблемы до сих пор недостаточно освещены в науке. Иной раз, не найдя в словарях и справочниках толкования непонятого слова, комментаторы оставляют его без объяснений или же предлагают собственную, порой весьма произвольную интерпретацию.

Причины, по которым в литературные примечания попадают недостоверные сведения, подчас кроются не столько в недобросовестности комментаторов, сколько в незаинтересованном отношении создателей толковых словарей к редким и забытым словам и оборотам. Дело в том, что большинство современных академических толковых словарей имеет нормативный характер, поэтому нестандартные слова и значения, особенно устаревшие, обычно ими не фиксируются. Насущная потребность в учете необщепотребительных языковых явлений вызвала к жизни целую серию

Предисловие

словарей редких слов, выходящих в свет со второй половины 1990-х годов. Рецензенты отдавали должное замыслам составителей этих словарей, но вместе с тем указывали на многочисленные промахи в трактовках слов и выражений и ненадежность лексикографической базы (см., например: [Копосов 1997; Добродомов 1998а; Добродомов, Николина 1998; Пильщиков 1998а; 1998б; Краснянский 1999; Добродомов, Шувалова 2000]). К сожалению, у подобных изданий есть еще один серьезный недостаток: почти все они представляют собой компиляции и содержат критически не осмысленный материал. Поэтому вместе с полезной информацией в них проникают стародавние погрешности и прямые ошибки, кочующие из словаря в словарь.

Таким образом, довольно часто ни личный культурный опыт, ни интуиция, ни комментарии, ни современные словари не способны помочь читателю понять текст. Цель настоящей монографии — прояснить хотя бы часть «темных мест» «Евгения Онегина», трудность интерпретации которых связана со спецификой словоупотребления и своеобразием поэтического языка пушкинской поры. Предмет исследования — редкие или устаревшие слова и обороты, которые были хорошо известны Пушкину и его современникам, но сегодня либо совсем забыты, либо понимаются превратно. Авторы особенно интересуют иноязычные и заимствованные (*иноплемённые*, как говорит Пушкин) слова, а также имена собственные — как те, что приобретают значение нарицательных, так и те, которые поэт употребляет ради их экспрессивного ореола. Специальное внимание уделено феномену неоднозначности поэтического высказывания и языковым механизмам ее создания.

Изучение исторических сдвигов в смысловой стороне пушкинских слов и выражений ведется на широком языковом и литературном материале XVIII—XX вв. По замечанию В. В. Виноградова, «для Пушкина слово, фраза, помимо своих вещественных значений, были отягчены отслоениями литературной традиции, литературных стилей. Быт и литература сочетаются в предметно-смысловых формах пушкинского слова и тем углубляют его семантическую перспективу» [Виноградов 1941а: 117]. Исследование литературной культуры, безусловно, приближает нас к пониманию тех «значений, которые как бы просвечивают сквозь прямые значения слова в поэтическом языке» [Винокур 1959: 247]. Однако решению задач, относящихся к ведению истории литературы и поэтики, должен, по нашему мнению, предшествовать скрупулёзный анализ лексикографических данных.

Предисловие

Еще одна (на наш взгляд, очень существенная) особенность этой книги заключается в том, что проблемы поэтической семантики мы обсуждаем в тесной связи с вопросами текстологии и орфографии, стараясь всегда принимать в расчет свидетельства рукописных и печатных источников пушкинского романа. Филологическая герменевтика не может претендовать на адекватность без учета аутентичной письменной формы интерпретируемого текста: в целом ряде случаев именно особенности правописания, которые игнорируются абсолютным большинством современных изданий русских классиков, позволяют выявить генезис пушкинского слова и круг его культурных ассоциаций. По этой причине во всех цитатах мы сохраняем письменную систему источника, невзирая на возникающий орфографический и пунктуационный разнобой. Дополнительным аргументом в пользу такого решения является тезис о потенциальной значимости всех уровней и аспектов поэтического языка, распространяемый, в том числе, на орфографию и пунктуацию: подгонка художественного текста под современные нормы неизбежно ведет к большему или меньшему искажению его стилистики, поэтики, семантики и прагматики [Шапир 2000а: 224—240; 2001; Перцов 2008].

Отдельные очерки, собранные теперь под одной обложкой, были опубликованы ранее, а для настоящего издания переработаны и расширены [Пильщиков 1999а—1999д; 1999/2000а; 2004а—2004д; Добродомов 2001б—2001г; 2002а; 2002б; 2004а—2004в; 2006; Добродомов, Пильщиков 2000; 2001б; 2002а; 2002б; 2003; 2004а; 2004б; 2006; 2007]. Некоторые материалы представлены вниманию читателей впервые. Мы с благодарностью учли дополнения, поправки и замечания друзей и коллег — М. В. Акимовой, Н. С. Араповой, А. С. Белоусовой, В. С. Белоусовой, С. Г. Болотова, В. М. Гацака, К. А. Головастикова, А. А. Добрицына, А. В. Дубровского, Н. И. Епишкина, В. Н. Захарова, Н. Н. Казанского, А. Б. Куделина, Т. М. Левиной, С. Е. Ляпина, Н. И. Михайловой, А. Б. Пеньковского, Н. В. Перцова, В. Познер, Н. В. Пильщиковой, В. В. Цоффи, А. Я. Шайкевича, В. В. Шаповала, Е. В. Шаульского и ушедшего от нас М. И. Шапира, памяти которого посвящается эта книга.